

МИССИЯ ПРП. МИХАИЛА СИНКЕЛЛА
И БРАТЬЕВ НАЧЕРТАННЫХ В ИСТОЧНИКАХ IX–XIV ВВ.:
ПРИНЦИПЫ МЕТАФРАЗЫ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ
ОБ ИКОНОБОРЧЕСТВЕ

Л. В. ЛУХОВИЦКИЙ

В статье рассматриваются два образчика Палеологовской агиографии — «Житие прп. Феофана и Феодора Начертанных» Феодоры Раулены (ок. 1274–1282 гг.) и «Житие прп. Михаила Синкелла» Никифора Григоры (1321–1328 гг.). Эти метафразы (переложения ранних житий с повышением стилистического регистра) обойдены вниманием современных исследователей. Тем не менее их сравнение с житиями-прототипами (анонимным «Житием прп. Михаила» IX в. и метафрастовской версией «Жития прп. братьев Начертанных») может способствовать пониманию взаимосвязанных процессов передачи и искажения исторической памяти, а также пролить свет на эстетические запросы читающей публики эпохи Палеологов. Этот методологический подход призван проиллюстрировать исследование отдельного сюжетного мотива (путешествие Михаила и братьев Начертанных в Константинополь в нач. 810-х гг.), представленного у каждого из четырех авторов.

Опубликованная в 2001 г. монография К. Зоде¹ была призвана подвести итог многолетней дискуссии о составе, формировании и исторической первооснове агиографического досье исповедников второго периода иконоборчества прп. Михаила Синкелла и братьев прп. Феодора и Феофана Начертанных (Граптов). Однако исследовательница сознательно отказалась от рассмотрения двух поздневизантийских памятников, имеющих непосредственное отношение к культуре этих святых: «Жития прп. отца нашего исповедника Феофана и его брата Феодора» Феодоры Раулены (ВНГ 1793)² и «Жития и подвигов прп. отца нашего Михаила Синкелла» Никифора Григоры (ВНГ 1297)³. По мнению Зоде, первый

¹ *Sode C.* Jerusalem — Konstantinopel — Rom: Die Viten des Michael Synkellos und der Bruder Theodoros und Theophanes Graptoi. Stuttgart, 2001. (Alturtumswissenschaftliches Kolloquium; 4).

² Издание: Παπαδόπουλος-Κεραμεις Ά. Ανάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς Σταχυολογίας. Τ. 4. Ἐν Πετρούπολει, 1897. Σ. 185–223. Греческие агиографические источники указываются по справочнику Ф. Алькена: *Halkin F.* Bibliotheca hagiographica graeca. Bruxelles, 1957²; *Idem.* Novum auctarium bibliothecae hagiographicae graecae. Bruxelles, 1984. (Subsidia hagiographica; 65) (далее: ВНГ).

³ Издание: *Шмит Ф. И.* Кахрис-Джами: История монастыря Хоры, архитектура мечети, мозаики нарфиков. София, 1906. (Известия Русского археологического института в Константинополе; 11). С. 260–279.

памятник «не содержит сведений актуальных для решения поставленных в исследовании вопросов», а второй — «не имеет самостоятельной исторической ценности»⁴. В известных пределах подобная оценка верна, поскольку оба неучтенных текста принадлежат к категории т. н. «метафраз» (литературных переработок более ранних памятников)⁵, а значит, по определению не могут служить надежным историческим источником. Традиционный источниковедческий подход разрешает обращаться к подобным сочинениям только в том случае, когда более ранние тексты, лежащие в их основе, не сохранились. Поскольку в случае досье Михаила Синкелла и братьев Начертанных такие более ранние источники не только сохранились, но и давно введены в научный оборот, названные метафразы, как правило, не попадают в поле зрения исследователей.

Тем не менее очевидно, что именно агиографические метафразы могут стать ценнейшим источником сведений о том, как развивались эстетические запросы византийцев⁶, а также о том, как актуализировалась (и неизбежно искажалась) историческая память о тех или иных событиях прошлого. Кроме того, сам феномен поздневизантийского метафразирования, затронувшего не только агиографию, но и другие жанры (например, историографию — в XIV в. созданы переработки «Алексиады» Анны Комнины и «Истории» Никиты Хониата), на наш взгляд, еще не получил должного теоретического осмысления и не вписан в историю литературного процесса в Византии⁷. Не претендуя на последнее, в настоящей статье мы хотели бы на частном примере продемонстрировать, как агиографы эпохи Палеологов работали со своими источниками (при этом основное внимание будет уделено композиционным приемам, сюжетным ходам и трансформациям в системе персонажей), а также каким образом и почему преобразовалась под их пером история средневизантийского периода.

Нас будет интересовать, как поздневизантийские авторы рассказывали об обстоятельствах путешествия Михаила Синкелла (а в некоторых версиях — и братьев Начертанных) из Палестины в Константинополь в начале 810-х гг. Этот вопрос, как станет ясно из дальнейшего изложения, неразрывно связан с более широкой темой — проблемой оценки поздними авторами причин и ха-

⁴ *Sode C.* Jerusalem — Konstantinopel — Rom... S. 37. Это мнение было вновь высказано и в более поздней статье: *Sode C.* Creating New Saints: The Case of Michael the Synkellos and Theodore and Theophanes Graptōi // *Οι ήρωες της ορθόδοξης εκκλησίας: Οι νέοι άγιοι, 8ος — 16ος αιώνας / Επιστημονική επιμελεια Ε. Κουντούρα-Γαλάκη.* Αθήνα, 2004. (Εθνικό ίδρυμα ερευνών. Διεθνή συμπόσια; 15). Σ. 177–189, здесь: σ. 178.

⁵ Об этом явлении см.: *Talbot A.-M.* Old Wine in New Bottles: The Rewriting of Saints' Lives in the Palaeologan Period // *The Twilight of Byzantium / Ed. S. Ćurčić, D. Mouriki.* Princeton, 1991. P. 15–26; *Eadem.* Hagiography in Late Byzantium (1204–1453) // *The Ashgate Research Companion to Byzantine Hagiography. Vol. 1: Periods and Places / Ed. S. Efthymiadis.* Farnham, 2011. P. 173–195.

⁶ *Hinterberger M.* Hagiographische Metaphrasen: Ein möglicher Weg der Annäherung am die Literarästhetik der frühen Palaiologenzeit // *Imitatio — aemulatio — variatio: Akten des internationalen wissenschaftlichen Symposiums zur byzantinischen Sprache und Literatur: Wien, 22–25. Oktober 2008 / Hrsg. A. Rhoby, E. Schiffer.* Wien, 2010. S. 137–151.

⁷ Постановка проблемы в: *Davis J.* Anna Komnene and Niketas Choniates «Translated»: The 14th Century Byzantine Metaphrases // *History as Literature in Byzantium: Papers from the 40th Spring Symposium of Byzantine Studies, University of Birmingham, March 2007 / Ed. R. Macrides.* Farnham; Burlington, 2010. P. 67.

рактера иконоборческого конфликта, от завершения которого их отделяло более четырех столетий. Тем не менее приступить к анализу самих метафраз можно будет только после рассмотрения соответствующих фрагментов ранних текстов, которые легли в основу переработок. Следовательно, первая часть статьи будет посвящена текстам-источникам, и только вторая — непосредственно сочинениям Феодора Раулена и Никифора Григоры.

Вопрос о том, какой памятник, относящийся к объединенному досье Михаила Синкелла и братьев Начертанных, является наиболее ранним, остается дискуссионным. В качестве возможных вариантов исследователи называют энкомий Феодана архиеп. Кесарии Каппадокийской «[Похвала] исповеднику Феодору Начертанному, то есть Савваиту, брату Феодана» (ВНГ 1745z)⁸, анонимное «Житие и подвиги прп. отца нашего исповедника Михаила, пресвитера и синкелла града Иерусалимского» (ВНГ 1296)⁹ и входящее в минологический корпус Симеона Метафраста «Житие прп. отца нашего исповедника Феодора Начертанного» (ВНГ 1746)¹⁰. Приоритет энкомия Феодана Кесарийского отстаивает в некоторых работах Зоде¹¹; напротив, издатель энкомия полагает, что Феодан Кесарийский опирался на анонимное житие Михаила, которое было создано до 867 г.¹² Оригинальная гипотеза была выдвинута М.-Ф. Озепи: по ее мнению, текст, традиционно приписываемый Симеону Метафрасту (а значит, согласно современным оценкам, созданный в 980-е гг.¹³), в действительности написан еще при жизни Феодана Начертанного¹⁴. Если предположение Озепи не получило признания научного сообщества¹⁵, то вопрос приоритета анонимного жития Михаила или же энкомия не может быть решен окончательно. Впрочем, для целей настоящей работы он является вторичным: насколько нам удалось установить, ни Никифор Григора, ни Феодора Раулена не пользовались энкомием Феодана Кесарийского напрямую¹⁶. В обоих случаях непосредствен-

⁸ Издание: *Featherstone J. M.* The Praise of Theodore Graptos by Theophanes of Caesarea // *Analecta Bollandiana*. Bruxelles, 1980. Vol. 98. P. 104–150.

⁹ Издание: *Cunningham M. B.* The Life of Michael the Synkellos: Text, Translation and Commentary. Belfast, 1991. (Belfast Byzantine Texts and Translations; 1). P. 44–128.

¹⁰ *Symeon Metaphrastes*. Sancti patris nostri et confessoris Theodori Grapti vita et conversatio // PG 116. Col. 653–684.

¹¹ *Sode C.* Creating New Saints... P. 188–189 (энкомий написан в 880-е гг., а анонимное житие Михаила на рубеже IX–X вв.); *Sode C.* Jerusalem — Konstantinopel — Rom... S. 147, 257–258.

¹² *Featherstone J. M.* Op. cit. P. 94–97. Ср. сходное мнение И. Шевченко: *Ševčenko I.* Hagiography of the Iconoclast Period // *Iconoclasm: Papers Given at the 9th Spring Symposium of Byzantine Studies*, University of Birmingham, March 1975 / Ed. A. Bryer, J. Herrin. Birmingham, 1977. P. 116.

¹³ *Hogel Ch.* Symeon Metaphrastes: Rewriting and Canonization. Copenhagen, 2002. P. 61–88.

¹⁴ *Auzépy M.-F.* De la Palestine à Constantinople (VIIIe — IXe siècles): Étienne le Sabaitte et Jean Damascène // *Travaux et mémoires*. Paris, 1994. Vol. 12. P. 207.

¹⁵ *Sode C.* Jerusalem — Konstantinopel — Rom... S. 141, 147.

¹⁶ Фр. Нерво утверждает, что в рассказе о чудесах у гроба Феодора Начертанного Раулена могла опираться только на энкомий Феодана Кесарийского, поскольку в других источниках этот эпизод отсутствует: *Nervo Fr. R.* Teodora Raoulena: Tra agiografia e politica // *ΣΥΝΔΕΣΜΟΣ: Studi in onore di Rosario Anastasi*. Catania, 1991. Vol. 1. P. 154–155, n. 35. В действительности, он есть также в версии Симеона Метафраста (*Symeon Metaphrastes*. Op. cit. Col. 681AB), и лексические совпадения (χατ' ἐχεῖνο χωροῦ, βασιλικῆς ἀλειλῆς) указывают на то, что в этом эпизоде Раулена опиралась именно на нее.

ными источниками были только анонимное житие Михаила и версия Метафраста¹⁷.

Феодора Раулена чередует фрагменты, написанные на основе метафрастовского и анонимного жития, преимущественно следуя композиции метафрастовской версии, но добавляя отсутствующие в ней детали, касающиеся судьбы Михаила, а в одном месте даже прямо ссылаясь на дополнительный источник: «А желающий узнать эти вещи точно пускай обратит взор на само “Житие” дивного Михаила» («πρὸς αὐτὸν βλεπέτω τὸν “Βίον” τοῦ θαυμαστοῦ Μιχαήλ»)¹⁸. Схожую картину мы видим и в случае Григоры: выбрав в качестве основного источника анонимное житие Михаила, он, тем не менее, считает необходимым дать читателю понять, что знаком и с иными релевантными текстами. Упомянув братьев Начертанных и предупредив, что не будет подробно останавливаться на их духовных подвигах, он отсылает читателя к их житию: «...это можно узнать из того, что более пространно сказали другие» («ἐξ ὧν πλατυχώτερον εἰρήχαιον ἕτεροι»)¹⁹. Сложно сказать, какой именно текст Григора имеет в виду, но вероятнее всего, речь идет о метафрастовской версии, поскольку он прямо заявляет о знакомстве с ней в другом своем произведении — «Ромейской истории». В 32-й главе, созданной во второй половине 1356 г.²⁰, он обильно цитирует это житие и упоминает его автора: «Пускай первым говорит Симеон Метафраст, предавший на века слуху благочестивых память о почти всех без исключения славных святых и украсивший своими речами и исполнивший духовного наслаждения всякое торжество»²¹.

Из вышеизложенного следует, что начать анализ будет логично с наиболее раннего из использованных поздними авторами текстов, то есть с анонимного жития Михаила Синкелла. Глава, повествующая о причинах, побудивших патриарха Иерусалимского Фому отправить между 812 и 814 г. в Рим и Константинополь посольство во главе с Михаилом, имеет весьма запутанную структуру. Сложность композиции связана с тем, что в качестве мотивов для путешествия названо четыре почти не связанных между собой обстоятельства. Это, во-первых, личное желание Михаила поклониться римским святыням, а во-вторых, три церковно-политические причины: притеснения в отношении православных монастырей со стороны арабов в Палестине, конфликт с Римом в связи с *filioque* и возобновление иконоборческой политики в Константинополе.

Отметим, что вопрос о действительной исторической первооснове рассматриваемого эпизода не может быть решен окончательно из-за скудости и про-

¹⁷ Метафраст, в свою очередь, опирался на энкомий, так что его опосредованное влияние на Палеологовские тексты под сомнение не ставится.

¹⁸ Παλαδόπουλος-Κεραμεύς Α. Op. cit. Σ. 199, 21–21. Здесь и далее переводы с греческого автора статьи. В числе других дополнительных источников Феодоры — проложные заметки об отце братьев Начертанных св. Ионе, а также неизвестный исторический источник, враждебно настроенный по отношению к императору Михаилу II, но достаточно благожелательный к Льву V (Ibid. P. 211–212).

¹⁹ Шмит Ф. И. Указ. соч. С. 268, 19.

²⁰ Beyer H.-V. Eine Chronologie der Lebensgeschichte des Nikephoros Gregoras // Jahrbuch der Osterreichischen Byzantinistik. Wien, 1978. Bd. 27. S. 149–150.

²¹ Nicephorus Gregoras. Historia Byzantina / Ed. I. Bekker. Bonn, 1855. Vol. 3. P. 384–385.

тиворечивости источников. Вердикт, вынесенный К. Зоде, тщательно сопоставившей все релевантные агиографические и историографические источники, неутешителен: «Ни одно из оснований, названных в Житии Михаила Синкелла для путешествия Михаила (и его спутников) в Константинополь или Рим, не соответствует истине»²². Поэтому в дальнейшем мы постараемся воздержаться от рассуждений об исторической реальности, а сосредоточимся на внутренней логике агиографического нарратива.

Попробуем реконструировать эту логику. Наиболее важным для агиографа в плане раскрытия образа героя оказывается именно первое обстоятельство — замысел совершить паломничество. Главенствующая роль этого мотива подчеркнута кольцевой композицией главы. Именно эта причина открывает интересующий нас эпизод: «С давних пор всепреподобный великий Михаил стремился и молил денно и ночью Бога, если Тому угодно, удостоить его чести поклониться святым мощам главнейших апостолов Петра и Павла, пострадавших в величайшем граде Риме при нечестиво царствовавшем там Нероне»²³. Ей же он и завершается: «Ведь великий Михаил, направляясь к иже во святых Папе в великий град Рим, намеревался пройти и там (т. е. через Константинополь — *Л. Л.*), чтобы насладиться также и божественными церквями боговенчанной царицы городов»²⁴.

Первое впечатление, которое складывается у читателя, заключается в том, что агиограф придерживается обычной агиографической сюжетной схемы, в которой за уходом от мира (*reclusio*) следует странствие (*peregrinatio*)²⁵: вполне ожидаемо, чтобы автор, подробно рассказав об аскетических подвигах святого (сначала в Лавре св. Саввы, а затем в пещере)²⁶, перешел к повествованию о совершенном им паломничестве. Тем не менее анонимный агиограф предлагает дополнительные объяснения: сам ход человеческой истории, подчиненный божественному провидению, дает Михаилу возможность осуществить задуманное, поскольку Иерусалимская церковь сталкивается одновременно с двумя угрозами, одна из которых имеет догматический, а вторая экономический характер. Во-первых, «некие люди из народа франков» на Западе выступили за добавление к Символу веры *filioque*, чем привели в немалое смущение папу римского Льва III²⁷; а во-вторых, арабы увеличили поборы до такой степени, что Иерусалимский патриархат уже более не мог самостоятельно справляться с ними²⁸. Сле-

²² *Sode C. Jerusalem — Konstantinopel — Rom...* S. 206. Ср.: «Все причины путешествия Михаила (и его спутников) из Иерусалима, которые названы в Житии, выдуманы (*sind alle fiktiv*) и призваны представить его идеальным святым, который сражается со всеми возможными ересями» (Ibid. S. 256).

²³ *Cunningham M. B.* Op. cit. P. 54, 25–30.

²⁴ Ibid. P. 58, 16–19.

²⁵ *Pratsch Th.* Der hagiographische Topos: Griechische Heiligenviten in mittelbyzantinischer Zeit. Berlin: New York, 2005. (Millennium Studien; 6). S. 147–159.

²⁶ *Cunningham M. B.* Op. cit. P. 50–52.

²⁷ Ibid. P. 54, 30 — 56, 28. Указывая на особое внимание агиографа к этому вопросу, К. Зоде связывает создание анонимного жития с периодом 2-го патриархата Фотия (877–886 гг.), когда проблематика *filioque* приобрела в Константинополе гораздо большую актуальность, нежели в начале 810-х гг., к которому относятся описываемые события: *Sode C. Jerusalem — Konstantinopel — Rom...* S. 258.

²⁸ Ibid. P. 56, 29 — 58, 1. Исторические источники молчат об этом эпизоде (Ibid. P. 142;

довательно, перед посольством, отправлявшимся в Рим, стояли две связанные между собой задачи — помочь папе в борьбе с ересью, а в ответ добиться от него материальной поддержки. Примечательно, что в глазах агиографа эти мотивы равнозначны: Михаил отправляется в путь «по двум этим причинам» («τούτων ἔνεθεν τῶν δύο αἰτιῶν») ²⁹. Одинаковая роль этих обстоятельств подчеркивается даже на уровне синтаксиса (используются однородные целевые придаточные): святой покидает Иерусалим, «чтобы остановить тех, кто распространяет дурное учение о божественном Символе веры, и чтобы известить ... о денежном убытке» («ὄπως καὶ τοὺς κακῶς δογματίσαντας περὶ τοῦ θεοῦ συμβόλου καταλάβῃ καὶ περὶ τῆς χρηματικῆς ζημίας ... ἀλαγγέλη») ³⁰.

В то же время возобновление иконоборчества Львом V Армянином занимает в иерархии причин посольства, как их видит агиограф, только периферийное место. Этот мотив (желание Иерусалимского патриарха отвратить Константинополь от иконоборческой ереси) вводится в качестве дополнительного: «возможно, они также смогут и...» («ἴσως ἰσχύσωσι καὶ...»). При этом подчеркивается, что путь Михаила пролегал бы через Константинополь в любом случае («ведь великий Михаил намеревался...» — «ἔμελλεν γὰρ»). Таким образом, четыре причины, названные агиографом, не равнозначны: главенствующую роль играет духовная мотивировка (паломничество), затем следуют два непосредственных церковно-политических повода (арабы и *filioque*), и только в самом конце второстепенный мотив — иконоборчество. Важно отметить также, что, согласно анонимному автору, три угрозы, стоящие перед Церковью, не связаны общим происхождением. За каждой из них скрываются отдельные люди (франки, «безбожные агаряне», патриарх Константинопольский Феодот и Лев V), и сам факт одновременного возникновения этих угроз — простая случайность.

Тем не менее эта в целом логичная и тщательно выстроенная конструкция рушится уже через несколько глав: Михаил так и не достигает Рима, в который стремился попасть, а остается в Константинополе, чтобы в течение нескольких лет терпеть поношения и преследования со стороны иконоборческих властей. Повествуя о его дальнейшей жизни, автор, кажется, совершенно забывает об арабах и *filioque*, полностью концентрируясь на иконоборческой проблематике. Таким образом, развитие получает лишь одна из четырех возможных сюжетных линий — причем именно та, что в начале казалась второстепенной. Рассмотренная нами 6-я глава анонимного Жития таила в себе несколько возможностей: Михаил мог оказаться борцом с «латинянами», защитником Иерусалимской церкви от мусульман, странствующим святым (подобно Григорию Декаполиту), или же защитником иконопочитания. Автор отдал предпочтение именно последнему варианту, однако по каким-то причинам не стал приводить первые главы Жития в соответствие с его основной частью.

Sode C. Jerusalem – Konstantinopel – Rom... S. 203–204), однако мотив столкновения насельников Лавры св. Саввы с арабами в Палестине в конце VIII — начале IX в. прекрасно известен в агиографии этого периода, достаточно вспомнить «Мученичество монахов-савваитов» (ВНГ 1200).

²⁹ Отметим, что о первом мотиве (желании совершить паломничество) агиограф как об *αἰτία* не говорил.

³⁰ *Cunningham M. B. Op. cit. P. 58, 4–6.*

Сложно сказать, имеем ли мы в данном случае дело с осознанным приемом (попыткой сохранить интригу и удержать внимание читателя) или же с недостаточной проработанностью текста. В пользу последнего говорят многочисленные повторы и противоречия во внутренней хронологии, отмечая которые, исследователи высказывают предположения о не доведенной до конца редакторской правке и механическом совмещении нескольких черновых версий³¹. Как бы то ни было, позднейшие агиографы воспринимали эту особенность жития-источника как очевидное противоречие, и самым простым решением с их стороны было уменьшить число причин, избавившись таким образом от намеков на не получившие впоследствии развития сюжетные линии. Именно поэтому, перерабатывая рассмотренный нами эпизод, ни один из агиографов-метафрастов не перечисляет все четыре названные в нем обстоятельства. Однако в каждом случае выбор оказывается уникальным и требует особого объяснения.

Житие Феодора Начертанного, созданное Симеоном Метафрастом, занимает в агиографическом досье промежуточное место: с одной стороны, это текст-переработка (по отношению к анонимному Житию Михаила), с другой, — текст-источник (по отношению к произведениям Григоры и Раулены). Важно отметить, что перед Симеоном при создании метафразы стояла достаточно сложная задача — ему предстояло не только стилистически переработать и унифицировать имевшиеся в его распоряжении источники, но также вывести на первый план героя, который в одном из этих источников (анонимном Житии Михаила) играл лишь второстепенную роль. Именно необходимостью подчеркнуть роль Феодора Начертанного и объясняется большая часть сюжетных изменений.

Симеон называет два обстоятельства, приведших к отправке посольства, причем в его интерпретации они оказываются объединены причинно-следственной связью. Первое обстоятельство — это иконоборчество. Его источником назван диавол, который, «зная, что не способен отвратить людей от Бога, изобретает коварную уловку и, будучи не в силах убедить отказаться от Христа, вовсе запрещает поклоняться Его божественному образу». «Душой, готовой принять его семена», оказывается византийский император, и ересь иконоборчества множится, получив поддержку светских властей³². Второе обстоятельство, как и в первом случае, — это угроза со стороны арабов. Впрочем, на сей раз речь идет уже не о поборах, а о набегах и разграблении крепостей и монастырей³³. Патриарх Иерусалимский видит взаимосвязь этих событий и называет набеги «расплатой за грехи и чашей ярости (Ис 51. 17) за то, что отвергнуто поклонение божественным образам» («ἀμαρτιῶν ἕκτιστος ταῦτα καὶ λόγῳ θυμοῦ, ἐφ' οἷς ἡ τῶν θεῶν εἰκότων προσκύνησις ἀθετεῖται») ³⁴. При этом финансовый аспект арабской угрозы у Симеона уже не звучит: избавление от этой беды, которое описывается в самых общих терминах («возвращение пленных и милость израненным душам»), должно естественным образом последовать за обличением иконоборческой ереси, но собственно получение материальной помощи в задачи посоль-

³¹ Sode C. Jerusalem — Konstantinopel — Rom... S. 151–152, 222, 226.

³² Symeon Metaphrastes. Op. cit. Col. 660D–661C.

³³ Ibid. Col. 661D.

³⁴ Ibid. Col. 664A.

ства не входит. Таким образом, ни о конфликте в связи с *filioque*, ни о намерении совершить паломничество Симеон не упоминает. Посольство, главой которого вполне ожидаемо оказывается уже не Михаил Синкелл, а Феодор Начертанный, сразу направляется в Константинополь, а не в Рим.

Анонимное житие Михаила в некоторой степени построено в нарушение жанровых условностей. Мотив исповедничества почти не звучит вплоть до встречи святого с императором Львом V (она происходит только в гл. 10), в то время как первые главы, где подробно описаны аскетические подвиги Михаила в лавре Саввы Освященного, а затем в пещере палестинской пустыни, готовят читателя скорее к житию монаха-отшельника. Произведение построено так, что божественный промысел, согласно которому Михаилу было уготовано вступить в противостояние с еретиками-иконоборцами и пострадать от них, оказывается на первых порах скрыт как от читателя, так и от героя. Отправляясь в путешествие, Михаил не догадывается, что его судьба — стать исповедником, но так и не достичь Рима. Начиная путь, он готовится не к борьбе, а к паломничеству: «Отец наш великий Михаил, не думая ослушаться, а скорее даже принимая это повеление святых отцов так, как если бы оно исходило от Бога, ведь он уже давно молился о том, чтобы сподобиться поклониться главнейшим апостолам ... покинул со своими учениками город Христа Бога нашего»³⁵. В версии Метафраста, напротив, Феодор Начертанный сразу предстает перед читателем как исповедник, причем автор специально подчеркивает в прооимии, что этот подвиг не менее значим, чем подвиг тех, кто пострадал в борьбе «с язычниками», хотя он все же сражался «с христианами, пусть и не державшимися правой веры»³⁶. Рассказ о причинах посольства предваряется словами о том, что Феодор был готов претерпеть за образ Христов «узы, избивание и смерть»³⁷; а соглашаясь отправиться в Константинополь, святой прямо заявляет, что его цель — «устыдить нечестие» («αἰσχυνῶ τὴν ἀσέβειαν») ³⁸.

Как мы видим, эстетические установки Симеона Метафраста не позволяют ему сохранить повествовательные приемы ранней анонимной версии. Следуя общей сюжетной канве и заимствуя отдельные эпизоды, Симеон все же не перенимает у своего предшественника манеру изображения главного героя: образ Михаила, как нам его рисует анонимный агиограф, совершенно не похож на образ Феодора у Симеона. В первом случае истинное предназначение святого открывается как ему самому, так и читателю постепенно, во втором — оно заранее известно. Новому герою (Феодору) усваиваются отдельные поступки (руководство посольством), но не характер героя текста-источника (Михаила). В целом история посольства становится у Симеона более логичной, однако вместе с тем он сглаживает интересные психологические нюансы, наполнявшие судьбы героев большим драматизмом.

³⁵ Cunningham M. B. Op. cit. P. 60, 1–6.

³⁶ Symeon Metaphrastes. Op. cit. Col. 654A–656A.

³⁷ Ibid. Col. 660D.

³⁸ Ibid. Col. 664B.

Феодора Раулена, первый из интересующих нас агиографов эпохи Палеологов³⁹, вывела на первый план уже другого брата — Феофана Начертанного — и также сохранила лишь две причины из четырех, присутствовавших в анонимной версии. Впрочем, в ее случае ими стали не иконоборчество и арабская угроза, как в версии Метафраста, а иконоборчество и *filioque*. Мотивы, побудившие ее сделать именно такой выбор, лежат не только и не столько в области литературной эстетики, сколько в церковно-политической сфере. Как неоднократно отмечалось в научной литературе⁴⁰, Феодора, выступившая с резкой критикой церковной политики императора Михаила VIII Палеолога, заключившего в 1274 г. на II Лионском соборе унию с Римом, и подвергшаяся за эту позицию репрессиям⁴¹, усматривала сходство между судьбой братьев своего мужа Мануила и Исаака, пострадавших от Михаила VIII, и Феодора и Феофана Начертанных, пострадавших при Феофиле. Полемическая программа жития, таким образом, заключалась в том, чтобы продемонстрировать преемственность и внутреннее родство иконоборчества и униатства⁴², а также предложить в лице братьев Начертанных православному читателю образец стойкости и непреклонности в борьбе с нечестивой светской и церковной властью.

Как и в версии Метафраста, в интерпретации Феодоры обе угрозы, с которыми сталкивается Церковь, оказываются связаны диавольским замыслом. Сначала диавол «набросился на Льва Армянина и, вволю попользовавшись им как подручным средством, внушил ему беснование против богомужного образа Христова и [образов] святых»⁴³. Эта тактика оказалась вполне успешна и в смятение была приведена как «царица городов», то есть Константинополь, так и прилегавшая к ней «область вселенной». Но диавол не был этим удовлетворен, поскольку «полагал для себя великим ущербом, если не взбаламутит и не осквернит всю вселенную и не посмеется над всеми верными»⁴⁴. Однако попытки распространить иконоборческие настроения и в «старшем Риме» были бесполезны, поскольку там «было ясно доказано, что буйство против честных икон ведет ко всеобщей гибели». Следовательно, диавол «переменил метод» и, «перекинувшись на величайшую из Церквей, стал играть на новой струне»⁴⁵. Этой новой струной стало прибавление к Символу Веры *filioque*.

Две ереси, несмотря на принципиальные содержательные различия, для Феодоры представляют равноправные части единого коварного замысла: «И вот

³⁹ Житие датируется 1277–1282 гг. (*Nervo Fr. R. Op. cit.* P. 150–151) или более широко — 1275–1282 гг. (*Hinterberger M. Hagiographische Metaphrasen...* S. 139).

⁴⁰ *Talbot A.-M. «Bluestocking Nuns»: Intellectual Life in the Convents of Late Byzantium // Harvard Ukrainian Studies. Cambridge (Mass.), 1983. Vol. 7: Okeanos: Essays Presented to I. Ševcenko on his 60th Birthday by his Colleagues and Students / Ed. C. Mango, O. Pritsak. P. 615; Eadem. Old Wine in New Bottles... P. 20; Nervo Fr. R. Op. cit.; Rapp C. Figures of Female Sanctity: Byzantine Edifying Manuscripts and their Audience // Dumbarton Oaks Papers. Washington, 1996. Vol. 50. P. 327–328.*

⁴¹ Житие написано «в ссылке и заточении» («ὕπερροία τε καὶ φρουρά»): *Παλαδόπουλος-Κεραμεύς Α.* Op. cit. Σ. 186, 16–17.

⁴² *Ibid.* Σ. 187, 20–23; 197, 22–27.

⁴³ *Ibid.* Σ. 196, 4–7.

⁴⁴ *Ibid.* Σ. 197, 8–13.

⁴⁵ *Ibid.* Σ. 197, 15–19.

сеятель всяческого зла измыслил хитрую ловушку: граду Константинову он внушает отречение от честных икон, а Риму — извращение божественного Символа [Веры]»⁴⁶. Рассказывая о непосредственном поводе к отправке посольства, Феодора Раулена следует анонимной версии. Этим поводом стала просьба папы римского, имя которого не называется, о помощи в борьбе с ересью. Конечной точкой маршрута должен стать Рим⁴⁷, а полемика с иконоборцами, как и у анонима IX в., представляется лишь дополнительным побочным мотивом⁴⁸: «А поскольку Константинополь был охвачен непроглядным мраком [учения] воюющих с Богом иконоборцев, они также сочли необходимым составить послание к Льву Армянину»⁴⁹.

В описании подготовки к путешествию интересными представляются два момента.

Во-первых, Феодора не называет напрямую руководителя миссии. Мы помним, что в случае анонимного жития Михаила руководил посольством именно Михаил, а Феодор и Феофан лишь сопровождали его⁵⁰. В то же время в метафрастовском житии главой посольства назван Феодор, его брат Феофан выполняет роль спутника и помощника⁵¹, а Михаил не упомянут вовсе. Феодора, в свою очередь, не отдает предпочтения кому-либо из героев, но описывает их как монолитную группу, не называя имен: патриарх Иерусалимский «отобрал этих мужей, которые превосходили ученостью и добродетелью прочих»⁵². В дальнейшем на протяжении глав 15–18, посвященных первым диспутам святых с патриархом Константинопольским Феодотом и Львом V, она продолжает старательно избегать имен, используя указательные местоимения и описательные выражения («таковые мужи» и пр.), тем самым подчеркивая единомыслие героев.

Во-вторых, святые, как и в версии Метафраста, осознают, с чем им предстоит столкнуться и что претерпеть: «...столь велико было их стремление даже и души свои положить за Церковь Божию»⁵³. Усиливая эту мысль, Феодора прибегает к античным аллюзиям: «Что сделали в сравнении с ними Креонтов [сын] Менекей и Ификлов [сын] Протесилай? Один из них предотвратил падение Фив, а другой заставил пасть Илион. Но подвиг святых был не ради города, что стоит и сохраняется лишь малое время и быстро разрушается, подобно декорациям на сцене, а ради, как я уже говорила, Божией Церкви, благодаря которой люди обретают бессмертие и соревнуются с ангелами»⁵⁴.

⁴⁶ Παπαδόπουλος-Κεραμειός Ά. Op. cit. Σ. 197, 29 — 198, 3.

⁴⁷ Ibid. Σ. 199, 4.

⁴⁸ Согласно Ф. Нерво, промежуточная остановка в Константинополе «è complementare e derivato dalla missione principale»: *Nervo Fr. R.* Op. cit. P. 156.

⁴⁹ Παπαδόπουλος-Κεραμειός Ά. Op. cit. Σ. 199, 22–24.

⁵⁰ *Cunningham M. B.* Op. cit. P. 60, 6–7.

⁵¹ Патриарх «отыскивает того, кто более способен на это, то есть священного Феодора»; тот прибывает в Константинополь «в сопровождении своего брата Феофана, который разделяет его веру и пылает тем же благочестивым рвением»: *Symeon Metaphrastes.* Op. cit. Col. 664AB.

⁵² Παπαδόπουλος-Κεραμειός Ά. Op. cit. Σ. 199, 1–2.

⁵³ Ibid. Σ. 199, 10–11.

⁵⁴ Ibid. Σ. 199, 13–20. Версиям Раулена и Григоры в целом свойственны риторизация и стремление наполнить текст античными аллюзиями и цитатами: *Hinterberger M.* *Hagiographische Metaphrasen...* S. 140, 150.

Никифор Григора, последний византийский автор, затронувший этот сюжет, создал свою версию Жития Михаила в 1320-е гг.⁵⁵, то есть за несколько лет до того, как оказался вовлечен в паламитские споры. Известно, что в последующие годы он активно использовал агиографические сочинения для полемических выпадов против своих идеологических противников⁵⁶, однако первое знакомство Григоры с Варлаамом Калабрийским состоялось только в начале 1330-х гг., а начало ожесточенной полемики со свт. Григорием Паламой датируется зимой 1346/1347 г.⁵⁷ Создавая произведение в относительно спокойное время, Григора был менее склонен проводить прямые параллели между иконоборческой эпохой и современностью, а формированию личности Михаила (обучению светским наукам и богословию, аскезе, отношениям с близкими) уделял больше внимания, чем непосредственно его подвигам в борьбе с ересью иконоборчества. Показательно, на наш взгляд, даже количественное соотношение частей, посвященных жизни Михаила до и после путешествия в Константинополь: если в анонимном житии IX в. главы, повествующие о детстве и начале монашеского пути Михаила⁵⁸, составляют приблизительно 13% всего текста, то у Григоры соответствующий раздел⁵⁹ занимает около 43%. С другой стороны, версию Григоры, приближающуюся по степени схематизации и риторизации к жанру энкомия, отличает желание очистить повествование от побочных сюжетных линий и персонажей. Следовательно, он намеренно избавляется от трех из четырех мотивов миссии, которые он встретил в анонимной версии IX в., сохранив лишь одну — иконоборчество.

Впрочем, это иконоборчество вовсе не идентично тому, что мы видели в тексте IX в. Во-первых, как и у Симеона Метафраста и Феодоры Раулены, беды, обрушившиеся на Церковь, имеют сверхъестественные причины. За ними стоит «общий враг добра и истины, исполненный коварства и непримиримый в злодействе»⁶⁰, а Лев V служит ему лишь инструментом. Во-вторых, Григора считает необходимым заметить, что иконоборчество, восстановленное Львом V, было не догматическим новшеством, а возвращением к уже осужденной ранее ереси (имеется в виду первый период иконоборчества, конец которому был положен на VII Вселенском соборе в Никее в 787 г.): «...он всеми средствами разжигает недавно угасшее пламя иконоборчества»⁶¹. Интересно, что из авторов, рассмотренных нами выше, только Симеон Метафраст упоминает это обстоятельство: по его словам, назначенный вопреки канонам патриарх Феодот⁶² «держат возро-

⁵⁵ Ibid. S. 149. Житие написано между 1321 г. (завершение реконструкции Константинопольского монастыря Хора Феодором Метохитом, ктитором обители и учителем Григоры) и 1328 г. (опала и ссылка Метохита).

⁵⁶ Hinterberger M. Les Vies des Saints du XIe siècle en tant que biographie historique: L'œuvre de Nicéphore Grégoras // Les Vies des Saints à Byzance: Genre littéraire ou biographie historique? Actes du IIe colloque international philologique «ERMHNEIA», Paris, 6–8 juin 2002 / Ed. P. Odorico, P. A. Agapitos. Paris, 2004, (Dossiers Byzantins; 4). P. 293–294.

⁵⁷ Beyer H.-V. Op. cit. S. 134–136.

⁵⁸ Cunningham M. B. Op. cit. P. 44, 4 — 54, 24

⁵⁹ Шмит Ф. И. Указ. соч. С. 260, 1 — 269, 2.

⁶⁰ Там же. С. 269, 3–4.

⁶¹ Там же. С. 269, 9–10.

⁶² Феодот I Касситера (815–821 гг.), поставленный вместо смещенного Львом V и отправленного в ссылку свт. Никифора I (806–815 гг.).

дочь давно умершую ересь по поводу святых икон»⁶³. В то же время ни Раулена, ни аноним IX в. не упоминают о первом периоде иконоборчества. В-третьих, Григора, уделяющий мало внимания исторической конкретике, никак не объясняет, каким образом вести об иконоборческой политике Константинополя достигли Палестины, где находились в то время Михаил и братья Начертанные. По его словам, «это стало известно и Иерусалимской церкви»⁶⁴. Отметим, что как анонимный автор IX в., так и Симеон Метафраст, с текстами которых работал Григора, считали необходимым дать какое-то (пусть не всегда правдоподобное) объяснение тому, что Иерусалимский патриарх принял решение отправить посольство к Льву V. В случае Симеона непосредственным поводом, как мы видели, стали арабские набеги, реально угрожавшие Иерусалимской церкви: «видя их», патриарх и принял решение о посольстве. В анонимной версии же связующим звеном стало хронологически невозможное послание прп. Феодора Студита, в котором он просил Иерусалим о помощи в борьбе с ересью⁶⁵. Григора, в свою очередь, не считает нужным давать какие-либо пояснения и последовательно избавляется от персонажей ранних версий, которые могли бы оттенить центральный конфликт протагониста (Михаила Синкелла) и антагониста (Льва V).

Именно поэтому из истории миссии в изложении Григоры исчезает не только Феодор Студит, но и иконоборческий патриарх Феодот, которого так или иначе упоминали все предшествующие агиографы. Последнее наблюдение достаточно важно, поскольку позволяет высказать некоторые соображения и о политической философии Григоры. В его представлении иконоборчество — это предприятие, ответственность за которое несет исключительно светская власть, в то время как роль иерархов Константинопольской церкви незначительна. Иконоборчество возобновляет «нечестиво стоящий у кормила Ромейского государства Лев»⁶⁶. Таким образом, миссия Михаила предполагает переговоры только с императором, а не также и с патриархом, как это было во всех более ранних версиях: «Там (в Иерусалиме — Л. Л.) были созваны на собор священные мужи и решали, как бы по мере сил помочь первой из церквей. И вот они решили, что нужно избрать мужей, славящихся ученостью и добродетелью, чтобы они провели с императором переговоры о божественных иконах»⁶⁷. В то же время аноним IX в. прямо обвинял в иконоборчестве как светские, так и церковные власти: в интересующих нас главах Лев V всегда упоминается вместе с Феодотом, причем именно последний наделяется такими эпитетами, как «предводитель ереси иконосжигателей» («ἔξαρχον τῆς τῶν εἰκονομαστων αἰρέσεως») и «главарь шайки» («φατριάρχην») ⁶⁸. Другие источники уделяют Феодоту меньше внимания, однако прямо или косвенно он все же упомянут и у Раулены (рассказ о низло-

⁶³ *Symeon Metaphrastes*. Op. cit. Col. 661C.

⁶⁴ Шмунт Ф. И. Указ. соч. С. 269, 22.

⁶⁵ *Cunningham M. B.* Op. cit. P. 58, 20–25. О проблемах хронологии см.: *Sode C.* Jerusalem — Konstantinopel — Rom... S. 204, 207–208.

⁶⁶ Шмунт Ф. И. Цит. соч. С. 269, 8.

⁶⁷ Там же. С. 269, 23–26.

⁶⁸ *Cunningham M. B.* Op. cit. P. 58, 10–13.

⁶⁹ *Ibid.* P. 58, 25–27.

жении Никифора), и у Метафраста (новый патриарх — «не пастырь, а наемник» императора-тирана)⁷⁰.

В версии Григоры нет места ни *filioque*, ни арабам, ни паломничеству. Глава посольства (на сей раз это снова Михаил) осознает, куда и зачем он отправляется. Его цель — Константинополь и посрамление ереси, но на пути к этой цели его, возможно, ждут темница и пытки. Психологический портрет Михаила резко контрастирует с тем, что мы видели в анонимной версии: «А он, уже давно алкавший (τὸ φίλτρον ἐν ψυχῇ διὰ λυρὸν ἔχων) подвига во имя Христа (τῆς διὰ Χριστὸν ἀθλήσεως), ухватился за эту возможность и, как говорится, [ринулся как] “конь на равнину”»⁷¹. Отметим синтаксическую близость, но принципиальную содержательную противоположность соответствующих пассажей: как мы помним, у анонима IX в. Михаил также обрадовался возложенной на него миссии, поскольку она отвечала его «давним» чаяниям⁷², однако чаяния эти были связаны с поклонением святыням Старшего Рима, а отнюдь не с подвигом во имя веры. Если в анонимной версии Михаил предстал перед читателем скорее странствующим монахом или же дипломатом, облеченным полномочиями в т.ч. финансового характера, то в версии Григоры он воин-святой. Его портрет создается за счет военных метафор: «...он отправляется в путь, если можно так выразиться, как превосходнейший стратиг (στρατηγὸς ἀρίστος) во главе превосходнейшего воинства (στρατίας ἀρίστης ἐξηγουόμενος). Он поддерживает и составляет в благочестии множество благочестивых, но также и тех, кто свернул с прямого пути, и как будто бы с расстояния разоряет укрепления противника (ληϊζόμενος τὰ τοῦ ἐχθροῦ δχυρώματα), поражая его сияющими снарядами (λαμπροῖς τοῖς ἀχροβολιομοῖς)»⁷³.

Предпринятый нами анализ нескольких версий произвольно выбранного изолированного эпизода продемонстрировал, что внутренне противоречивое построение раннего анонимного жития не соответствовало эстетическим запросам агиографов-метафрастов. Их деятельность предполагала как изменение стилистического регистра, так и спрямление сложных сюжетных линий, элиминирование побочных мотивов и упрощение разветвленной системы персонажей. Начало процессу было положено в X в. Симеоном Метафрастом⁷⁴, однако спустя несколько столетий оказалось, что и его творения, в свою очередь, не соответствуют вкусу новой интеллектуальной элиты Палеологовской эпохи. Метафразы XIV в. отличает тенденция к риторизации и повышению стилистического регистра (аттицизирующий язык, классические аллюзии, риторические фигуры), в то же время Симеону Метафрасту подчас приходилось действовать в обратном направлении — понижать стилистический уровень текста-источника⁷⁵. Изменение литературных требований читающей публики потребовало не только обращения к самому метафрастовскому корпусу, но и повторной переработки более

⁷⁰ *Symeon Metaphrastes*. Op. cit. Col. 661C.

⁷¹ Шмидт Ф. И. Указ. соч. С. 269, 28–29.

⁷² *Cunningham M. B.* Op. cit. P. 60, 1–6.

⁷³ Шмидт Ф. И. Указ. соч. С. 269, 32–35.

⁷⁴ О более ранних этапах метафразирования см.: *Rapp C.* Byzantine Hagiographers as Antiquarians: 7th to 10th Centuries // *Byzantinische Forschungen*. Amsterdam, 1995. Bd. 21. S. 34–36.

⁷⁵ *Ibid.* S. 36–37.

ранних памятников, лежащих в его основе. Однако, как мы видели, усложнение на языковом уровне неизбежно сопровождалось примитивизацией на уровне сюжета.

С другой стороны, внимание к тем или иным героям и идеологическим конфликтам прошлого никогда не было случайным. Из множества сюжетов выбирались те, что представляли больше возможностей для актуализации. Иконоборчество, к которому в ранний Палеологовский период обращались и другие авторы-метафрасты (Иоанн Ставракий, Константин Акрополит)⁷⁶, стало восприниматься как идеальная модель — парадигматическая ситуация выбора, когда перед каждым сторонником правой веры стоит вопрос о том, как вести себя перед лицом еретической императорской власти и церковной иерархии. Именно взаимное наложение двух этих тенденций — схематизации, обусловленной художественными принципами автора, и актуализации, связанной с его политической философией, — определяло в конечном счете образ эпохи, рождавшийся под пером того или иного агиографа-метафраста.

Ключевые слова: Агиография, византийская литература, Палеологовский период, Симеон Метафраст, Никифор Григора, Феодора Раулена, иконоборчество.

THE MISSION OF ST. MICHAEL THE SYNKELLOS AND THE GRAPTOI BROTHERS IN 9TH–14TH CENTURY SOURCES: METAPHRASTIC PRINCIPLES AND HISTORICAL MEMORY OF ICONOCLASM

L. V. LUKHOVITSKIY

The paper focuses on the common hagiographical dossier of st. Michael the Synkellos and the Graptoi brothers, confessors of the 2nd period of the iconoclast controversy in Byzantium (AD 815–843). The dossier has the following structure: the anonymous 9th century *Life of st. Michael*, the Metaphrastic *Life of the Graptoi Brothers* (10th century), the *Life of st. Theophanes and Theodore Graptoi* by Theodora Raoulaina (ca. 1274–1282), and the *Life of st. Michael the Synkellos* by Nicephorus Gregoras (1321–1328). The late 9th century *Encomium of st. Theodoros* by Theophanes of Caesarea is of minor interest since it was not used as a primary source by later hagiographers. While both earlier texts has recently received much scholarly attention, the Palaeologan *metaphraseis* (i.e. stylistically elevated retellings of earlier *Lives*) are as a rule neglected by modern

⁷⁶ *Kountoura-Galake E.* Constantine V Kopronymos or Michael VIII Paleologos the New Constantine? The Anonymous Encomium of Saint Theodosia // *Βυζαντινά σύμμεικτα*. Αθήνα, 2002. T. 15. Σ. 183–194.

scholarship. Nevertheless, if compared with their prototypes, they may contribute to our understanding of the mutual processes of transmission and distortion of historical memory and elucidate the aesthetic demands of the Palaeologan audience. This methodological approach is illustrated by a case-study of an isolated episode (Michael's and Graptoi's journey to Rome/Constantinople in early 810s) narrated by each of the four authors. Its complex (if not self-contradictory) structure in the prototype *Life* didn't meet the expectations of the Palaeologan *literati*. Therefore they paraphrased it omitting certain plot-motifs, reducing the number of characters, and adding new features to the protagonist's psychological portrait, thus both implementing their political agenda and adapting the story to fit the aesthetic demands of their learned audience.

Keywords: Hagiography, Byzantine literature, Palaeologan period, Symeon Metaphrastes, Nicephorus Gregoras, Theodora Raoulaina, iconoclasm.

Список литературы

1. Шмит Ф. И. Кахрие-Джами: История монастыря Хоры, архитектура мечети, мозаики нарфиков. София, 1906. (Известия Русского археологического института в Константинополе; 11). С. 260-279.
2. Auzépy M.-F. De la Palestine à Constantinople (VIIIe – IXe siècles): Étienne le Sabaïte et Jean Damascène // Travaux et mémoires. Paris, 1994. Vol. 12. P. 183-218.
3. Beyer H.-V. Eine Chronologie der Lebensgeschichte des Nikephoros Gregoras // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. Wien, 1978. Bd. 27.
4. Cunningham M. B. The Life of Michael the Synkellos: Text, Translation and Commentary. Belfast, 1991. (Belfast Byzantine Texts and Translations; 1).
5. Davis J. Anna Komnene and Niketas Choniates «Translated»: The 14th Century Byzantine Metaphrases // History as Literature in Byzantium: Papers from the 40th Spring Symposium of Byzantine Studies, University of Birmingham, March 2007 / Ed. R. Macrides. Farnham; Burlington, 2010.
6. Featherstone J. M. The Praise of Theodore Graptos by Theophanes of Caesarea // Analecta Bollandiana. Bruxelles, 1980. Vol. 98. P. 93-150.
7. Halkin F. Bibliotheca hagiographica graeca. Bruxelles, 1957³.
8. Halkin F. Novum auctarium bibliothecae hagiographicae graecae. Bruxelles, 1984.
9. Hinterberger M. Les Vies des Saints du XIVe siècle en tant que biographie historique: L'œuvre de Nicéphore Grégoras // Les Vies des Saints à Byzance: Genre littéraire ou biographie historique? Actes du IIe colloque international philologique «ERMHNEIA», Paris, 6–8 juin 2002 / Ed. P. Odorico, P. A. Agapitos. Paris, 2004. (Dossiers Byzantins; 4).
10. Hinterberger M. Hagiographische Metaphrasen: Ein möglicher Weg der Annäherung an die Literarästhetik der frühen Palaiologenzeit // Imitatio — aemulatio — variatio: Akten des internationalen wissenschaftlichen Symposiums zur byzantinischen Sprache und Literatur: Wien, 22.–25. Oktober 2008 / Hrsg. A. Rhoby, E. Schiffer. Wien, 2010. S. 137-151.
11. Høgel Ch. Symeon Metaphrastes: Rewriting and Canonization. Copenhagen, 2002.
12. Kountoura-Galake E. Constantine V Kopronymos or Michael VIII Paleologos the New Constantine? The Anonymous Encomium of Saint Theodosia // Βυζαντινά ούμμεικτα. Αθήνα, 2002. Τ. 15. Σ. 183-194.
13. Nervo Fr. R. Teodora Raoulena: Tra agiografia e politica // ΣΥΝΔΕΣΜΟΣ: Studi in onore di Rosario Anastasi. Catania, 1991. Vol. 1.

14. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς Α. Ανάλεκτα Ἱεροοσουλμανικῆς Σταχυολογίας. Τ. 4. Ἐν Πετροπόλει, 1897.
15. Pratsch Th. Der hagiographische Topos: Griechische Heiligenviten in mittelbyzantinischer Zeit. Berlin, New York, 2005. (Millennium Studien; 6).
16. Rapp C. Byzantine Hagiographers as Antiquarians: 7th to 10th Centuries // Byzantinische Forschungen. Amsterdam, 1995. Bd. 21.
17. Rapp C. Figures of Female Sanctity: Byzantine Edifying Manuscripts and their Audience // Dumbarton Oaks Papers. Washington, 1996. Vol. 50.
18. Ševcenko I. Hagiography of the Iconoclast Period // Iconoclasm: Papers Given at the 9th Spring Symposium of Byzantine Studies, University of Birmingham, March 1975 / Ed. A. Bryer, J. Herrin. Birmingham, 1977.
19. Sode C. Jerusalem — Konstantinopel — Rom: Die Viten des Michael Synkellos und der Brüder Theodoros und Theophanes Graptoi. Stuttgart, 2001. (Altertumswissenschaftliches Kolloquium; 4).
20. Sode C. Creating New Saints: The Case of Michael the Synkellos and Theodore and Theophanes Graptoi // Οι ήρωες της ορθόδοξης εκκλησίας: Οι νέοι άγιοι, 8ος — 16ος αιώνας / Επιστημονική επιμέλεια Ε. Κουντούρα-Γαλάκη. Αθήνα, 2004. (Εθνικό ίδρυμα ερευνών. Διεθνή συμπόσια; 15). Σ. 177-189.
21. Talbot A.-M. «Bluestocking Nuns»: Intellectual Life in the Convents of Late Byzantium // Harvard Ukrainian Studies. Cambridge (Mass.), 1983. Vol. 7: Okeanos: Essays Presented to I. Ševcenko on his 60th Birthday by his Colleagues and Students / Ed. C. Mango, O. Pritsak. P. 604-618.
22. Talbot A.-M. Old Wine in New Bottles: The Rewriting of Saints' Lives in the Palaeologan Period // The Twilight of Byzantium / Ed. S. Ćurčić, D. Mouriki. Princeton, 1991. P. 15-26.
23. Talbot A.-M. Hagiography in Late Byzantium (1204–1453) // The Ashgate Research Companion to Byzantine Hagiography. Vol. 1: Periods and Places / Ed. S. Efthymiadis. Farnham, 2011. P. 173-195.